

УОЛДО

Номер был заявлен как балет-чететка, но разве опишешь это такими простыми словами?

Его ноги творили замысловатую барабанную дробь, рассыпчатую и чистую. Зал замер, затаив дыхание, когда он взлетел высоко в воздух, выше, чем может быть дано человеку, и на лету исполнил фантастическое, невероятное *entrechat douze*¹.

А потом уверенно приземлился на кончики пальцев и в тот же миг отчеканил громоподобное фортиссимо.

Огни рампы погасли, на сцену дали полный свет. Зрительный зал надолго примолк, потом понял, что пора, и разразился бурей аплодисментов.

Он стоял лицом к залу, как бы позволяя валу человеческих чувств смести себя. Было ощущение, что надо наклониться вперед, чтобы выдержать напор; напор, от которого по всему телу разливалось живительное тепло.

Как чудесно, когда танцуешь, как великолепно, когда тебе хлопают, когда ты любим, когда ты желанен!

Когда занавес опустился в последний раз, он позволил своему костюмеру увести себя со сцены. Как всегда в конце представления, он был чуточку пьян; танец был счастливой отравой даже во время репетиций, но видеть перед собой зрительный зал, который подхватывает, несет и приветствует, — такое не приедалось. Каждый раз это было внове, каждый раз от этого неистово билось сердце.

¹ *Entrechat (фр.)* — антраша, балетный прыжок, во время которого совершаются удары ног одна о другую. По современной балетной терминологии их насчитывают девять разновидностей. Автор говорит о «двенадцатой» (*douze* — двенадцать) и, стало быть, делает три шага вперед в искусстве танца. Знатоки ценят не высоту прыжка, а четкость исполнения в полете заданной последовательности движения ног.

— Шеф, сюда. Ну-ка, улыбнулись. Хоп!

Полыхнула лампа-вспышка.

— Благодарим.

— Это я вас благодарю. Как насчет по рюмашке?

Его чуть не затолкали в дальний угол артистической уборной. Все как на подбор замечательные ребята, чудопарни: репортеры, фотографы — ну все до единого.

— А еще по одной? На посошок.

Он готов был. И не только по одной, но костюмер, надевая ему левый штиблет, предупредительно напомнил:

— Вам же через полчаса оперировать!

— Оперировать? — спросил фотограф из газеты. — Что на этот раз?

— Цереброктомия левого полушария¹, — ответил он.

— В самом деле? Как насчет сняться за этим делом?

— Буду рад. Если клиника не возражает.

— Это мы уладим.

Ну чудо-парни.

— ...Хотела бы дать очерк-портрет чуть под иным углом, — прозвучал над ухом женский голос. Он поспешно оглянулся, чуть сконфуженный. — Например, что заставило вас решиться на карьеру танцора?

— К сожалению, не расслышал, — извинился он. — Боюсь, что здесь слишком шумно.

— Я спросила, почему вы решились на карьеру танцора.

— Как вам сказать? Даже не знаю, что ответить. Боюсь, в двух словах не расскажешь, о многом придется вспомнить...

Джеймс Стивенс со зверским видом уставился на своего зама по технической части.

— По какому поводу ты такой развеселый? — спросил он.

— Просто лицо у меня такое, — ответил зам извиняющимся голосом. — Веселого мало. Еще одна авария.

¹ Цереброктомия — операция по удалению (иссечению) коры головного мозга. Производится исключительно на животных, поскольку лишенный коры головного мозга индивид, оставаясь живым, способен вести чисто растительный образ жизни: есть, спать, производить физиологические отправления. Но психические процессы более высокого порядка ему недоступны.

— Только этого не хватало! Постой, дай угадаю. Пассажирский или грузовой?

— Грузовик с прицепом компании «Климакс»¹ на челночной линии Чикаго — Солт-Лейк-Сити чуть к западу от Норт-Платта. И еще...

— Что «еще»?

— Вас требует к себе «сам».

— Это интересно. Более чем интересно. Слушай, Мак.

— Да, начальник?

— Как тебе место главного инженера по транспорту «Норт-Америкэн пауэр-эйр»? Я слышал, там вакансия открывается.

Мак почесал нос:

— Забавно, что вы об этом упомянули, шеф. Я как раз собирался спросить, какую рекомендацию вы мне дадите, если я подамся обратно в мостостроители. На что готовы, чтобы от меня избавиться.

— От тебя-то я избавлюсь. Сию же минуту. Дуй в Небраску, разыщи этот гроб с музыкой, прежде чем туда доберутся охотнички за сувенирами, и приволоки сюда все декальбы с него, а заодно и их панели управления.

— А если встрянут копы?

— Сам разберешься. Но обязательно возвращайся.

— Да, со щитком или на щитке.

Отдел Стивенса располагался сразу же по соседству с зональной энергоцентралью; главный офис администрации «Норт-Америкэн» находился на холме примерно в километре оттуда. Имелся обычный переходный туннель; Стивенс прошел в туннель и нарочно выбрал самую медленную дорожку: ему было о чем подумать перед встречей с боссом.

К моменту прибытия он придумал одно решение, но оно ему категорически не нравилось.

«Сам», то есть Стенли Ф. Глисон, председатель правления, приветствовал Стивенса мирно.

¹ Кроме явления, связанного с угасанием по причине возраста деятельности половых желез, а также заключительного, относительно стабильного состояния растительности, слово «климакс» означает лестницу, а в английском и многих европейских языках — высшую ступень развития, кульминацию, расцвет.

— Входите, Джим. Садитесь. Сигару?

Стивенс боком присел на стул, от сигары отказался, достал сигарету и, пока закуривал, осмотрелся по сторонам. Кроме высшего начальства и его самого, присутствовали Харкнесс, начальник юридического отдела, доктор Рэмбо, тоже главный, но по исследовательской части и Страйбел, главный инженер по городским энергопоставкам.

«Все пятеро, — мрачно подумал он. — Одни тяжеловесы, средний вес отсутствует. Ох и полетят головушки с плеч! Начиная с моей».

— Ну что ж, все в сборе, — почти воинственно начал он. — У кого карты? Потянем, кому сдавать?

Харкнесса, похоже, слегка покорибила эта неуместная реплика; Рэмбо, судя по всему, был слишком погружен в какие-то личные скорби, чтобы обращать внимание на шпильки в дурном вкусе. А Глисон просто проигнорировал сказанное.

— Джеймс, мы тут бьемся, соображаем, как нам выкарабкаться. Вас я пригласил в слабой надежде, что вы еще не уехали. Выскажитеесь.

— Притормозил, просто чтобы поглядеть, нет ли для меня личной почты, — проворчал Стивенс. — А то уже болтался бы в Майами на пляже, превращал бы солнышко в витамин D.

— Знаю, — ответил Глисон. — Отпуск вы заработали честно. Но увы, Джимми. Ситуация не улучшается, а делается только хуже. Идеи есть?

— А что говорит доктор Рэмбо?

Рэмбо моментом вскинулся.

— Рецепторы де-Кальба абсолютно надежны, — заявил он.

— Однако летят один за другим.

— Они тут ни при чем. Значит, вы с ними обращаетесь не так, как положено.

И Рэмбо опять погрузился в свои внутренние переживания.

Стивенс повернулся к Глисону и развел руками:

— Насколько я в курсе, доктор Рэмбо прав. Возможно, и впрямь сплоховал мой отдел, но я не в состоянии обнаружить причину. Готов подать заявление об отставке.

— Не нужна мне ваша отставка, — милостиво сказал Глисон. — Мне нужен выход из положения. На нас лежит ответственность перед обществом.

— И перед акционерами, — вставил Харкнесс.

— Будем чисты перед обществом — акционеры нас не потревожат, — мудро рассудил Глисон. — Так что скажете, Джимми? Есть предложения?

Стивенс закусил губу.

— Есть, единственное, — объявил он, — и оно мне не нравится. После этого мне одна дорога — в распространители дамских журналов.

— Даже так? И что за предложение?

— *Мы должны посоветоваться с Уолдо.*

И куда только девалась апатия доктора Рэмбо!

— Что? К этому шарлатану? Это же научный вопрос! На-уч-ный!

Заньл и Харкнесс:

— До-о-октор Стивенс! И впрямь, знаете ли...

Глисон жестом потребовал тишины.

— Предложение доктора Стивенса логично. Но боюсь, Джимми, что вы с ним несколько подзапоздали. Я говорил с Уолдо на прошлой неделе.

Насколько удивился Харкнесс, настолько набычился Стивенс.

— И даже не дали мне знать?

— Прости, Джимми. Я просто разведдал обстановку. Но без толку. Условия, которые он выставляет, для нас равнозначны конфискации.

— Все еще дуется на нас из-за патентов Хатауэя?

— Все еще злобу тешит.

— Вам следовало поручить это мне, — вставил Харкнесс. — Он не имеет права так с нами поступать. Речь идет об интересах общества. Если понадобится, заплатим аванс, а вопрос о гонораре передадим в третейский суд. Пусть вынесет беспристрастное решение. Детали я улажу.

— Не дай бог, — сухо сказал Глисон. — По-вашему, судебным решением можно заставить курицу снести яйцо?

Харкнесс всем своим видом изобразил возмущение, но промолчал.

А Стивенс продолжил:

— Предположительно, есть зацепка, как подступиться к этому типу, иначе я не вылез бы с этим предложением. Я знаком с одним его другом...

— С другом *Уолдо*?! Разве у него могут быть друзья?

— Ну не друг, а что-то вроде родственника. Его детский врач. С его помощью можно бы попытаться договориться с Уолдо по-хорошему.

Доктор Рэмбо вскочил.

— Это переходит всяческие границы, — заявил он. — Так что вынужден просить прощения, но...

Не дожидаясь ответа, он выскочил из комнаты, почти протаранив собой дверь.

Глисон проводил его тревожным взглядом:

— Джимми, чего это он так разошелся? Можно подумать, Уолдо — его личный враг.

— Что-то в этом роде. Но дело не только в Уолдо. Вся его вселенная сейчас рушится. Последние два десятка лет, после того как Прайор пересмотрел общую теорию поля и расправился с принципом неопределенности Гейзенберга, физики держат свою физику за точную науку. Нам, то есть вам и мне, аварии с энергоподачей на транспорте — докука солидная, а для доктора Рэмбо это еще и покушение на его богов. Так что приглядывайте за ним.

— В каком смысле?

— В том, что может натворить черт-те чего. Когда у человека рушится мировоззрение, это дело сверхсерьезное.

— Н-да-а-а. А вы сами? Вас тоже и так же допекло?

— Не совсем. Я инженер, то есть, с точки зрения Рэмбо, высокооплачиваемый лудильщик. Разные личные установки. Я просто в некоторой растерянности.

Ожил аудиокоммуникатор на столе у Глисона:

— Главный инженер Стивенс, ответьте. Главный инженер Стивенс, ответьте.

Глисон нажал кнопку:

— Здесь. Говорите.

— Поступила шифровка нашим кодом. Даю перевод: «Потерпел аварию в четырех милях к северу от Цинциннати. Добираться ли дальше в Небраску или приволочь вы-

знаете-что из собственной таратайки?» Конец сообщения. Подписано: «Мак».

— Передайте, чтобы возвращался. *Но на своих двоих!* — свирепо рявкнул Стивенс.

— Вас понял, сэр.

Аппарат отключился.

— Это от вашего зама? — спросил Глисон.

— Да. Пожалуй, это была последняя капля, шеф. Мне ждть и ковыряться с этой аварией или все же попытать счастья насчет Уолдо?

— Попытайте счастья.

— Хорошо. Если не дождетесь вестей, просто вышлите выходное пособие в гостиницу «Долина пальм» в Майами. Я буду четвертый нищий справа.

Глисон позволил себе горестную усмешку:

— Если уж и вы не справитесь, я буду пятый. Удачи.

— До скорого.

Стивенс удалился, и только тут впервые раскрыл рот главный инженер по городским поставкам Страйбел:

— Если пойдут аварии по городским энергоприемникам, ты ведь знаешь, где я окажусь?

— Где? Шестым нищим справа?

— Вряд ли. Я буду висельник номер один. Меня просто линчуют.

— Но энергоподача в города от аварий *застрахована*. У вас там полно предохранителей и параллельных линий.

— Примерно так же застрахованы и декальбы. Ни больше ни меньше. А представьте себе седьмой подземный этаж Питтсбурга, когда там вырубится освещение. Впрочем, лучше не представляйте.

Доктор Граймс протиснулся сквозь верхний люк своего подземного дома, глянул на оповеститель и убедился, что в его отсутствие в дом забрался гость. Кто-то из очень хороших знакомых, поскольку знает код замка, отметил доктор с некоторым оживлением, загромыхал вниз по лестнице, стараясь легче ступать на больную ногу, и вошел к себе в приемную.

— Док, привет!

Когда дверь распахнулась, Джеймс Стивенс встал с кресла и двинулся навстречу хозяину.

— Здоров, Джеймс. Налей себе чего-нибудь. Ах, уже налил? Ну тогда налей мне.

— Есть такое дело.

Пока гость справлялся с поручением, Граймс избавился от своего допотопного пальто до пят и швырнул его в сторону вешалки. Пальто тяжело бухнулось на пол, куда более тяжело, чем можно было ожидать по внешнему виду, несмотря на солидные размеры. И глухо лязгнуло.

А Граймс, согнувшись в три погибели, взялся снимать объемистые штаны, такие же увесистые, как и пальто. Под ними оказалось обычное иссиня-черное рабочее трико. Этот стиль ему совсем не подходил. Существу, не искушенному в человеческой культуре одежды, скажем гипотетическому жителю Антареса, этот стиль мог показаться вульгарным или даже безобразным. В этом трико доктор походил на старого жирного жука-навозника.

Джеймс Стивенс оставил без внимания трико, но на сброшенную одежду глянул с неодобрением.

— Все еще таскаете эти дурацкие доспехи, — не удержался он от комментария.

— А как же!

— Док, не доведет вас до добра эта хренация. Только здоровье себе портите.

— Без нее быстрее испорчу.

— Не надо. Я только в лаборатории доспехи ношу, а больше нигде. И как видите, на здоровье не жалуясь.

— И зря.

Граймс подошел к табуретке, на которую пересел Стивенс, и скомандовал:

— А ну ногу на ногу!

И чуть только Стивенс исполнил приказ, ребром ладони резко ткнул гостя под коленную чашечку. Сработало еле-еле.

— Паршиво, — отметил Граймс, оттянул гостю веко и глянул на глазное яблоко. Покачал головой и изрек: — Дрянь дело.

Стивенс досадливо отстранился:

— *Со мной* все тип-топ. И речь не обо мне, а о *вас*.

— Это в каком же смысле?

— А в таком. Холера вас забери, док, вы же репутацию теряете. Послушали бы, что о вас болтают.

Граймс кивнул:

— Слышал, и не раз. Мол, бедняга Гэс Граймс на старости лет маленько того. Зря волнуешься по этому поводу. Я всю жизнь как ходил не в ногу со всеми, так и хожу. А вот у тебя с коэффициентом усталости наверняка непорядок. Сколько тебе выводят?

— Понятия не имею. Здоров как бык.

— Как бык, говоришь? Да я тебя побью в двух раундах из трех.

Стивенс потер веки:

— Док, кончайте проезжаться на мой счет. Расклеился я, ваша правда. Сам знаю, но это от переутомления, а не от чего-нибудь.

— Уши вянут! Джеймс, ты приличный специалист по излучениям, физик...

— Не физик, а инженер.

— Ладно, пусть инженер. Но не медик. Пойми, нельзя год за годом поливать организм всеми видами излучения, как из бочки, и не поплатиться за это. Организм не рассчитан на такие процедуры.

— В лаборатории я ношу доспехи. Вы же в курсе.

— Слава богу. А вне лаборатории?

— Слушайте, док! Очень не хотелось бы затрагивать эту тему, но вы же несете чушь. Конечно, сейчас в воздухе повсюду рассеяна лучистая энергия, но совершенно безвредная. Специалисты по коллоидной химии...

— Обхихимия это калоидная, а не химия!

— Но вы же должны признать, что баланс организма — это предмет изучения коллоидной химии.

— Я ничего не должен признавать. Живые ткани построены на коллоидах, и я согласен, это так и есть. Но я уже сорок лет кряду твержу, что живые ткани нельзя подвергать разному облучению, вперед досконально не разобравшись в возможных последствиях. С точки зрения эволюции человеческого организм рассчитан на адаптацию только к естест-

венному облучению со стороны Солнца, да и то к ослабленному за счет толстого ионизированного слоя в атмосфере, да и не так чтобы очень. А уж где такого слоя нет... Ты когда-нибудь видел, что такое солярно-рентгеновский рак?

— Не довелось.

— Ах да, ты еще слишком молод. А вот мне довелось. Я еще интерном был, когда пришлось ассистировать при аутопсии этой штуки. Парнишка был участник второй экспедиции на Венеру. Четыреста тридцать восемь метастазов мы в нем насчитали, да так и не досчитали — бросили.

— Солярно-рентгеновского рака больше не существует.

— И слава богу. Но урок нам был дан, и забывать его грешно. Дай волю вашей гениальной пацанве — вы у себя в лабораториях такую кашу заварите, что никакая медицина разобраться не успеет. Мы же поневоле отстаем. Ничего не знаем, покуда не проявится, а проявляется-то не вдруг. А тогда, когда вы уже понакрываетесь.

Граймс тяжело сел, и внезапно стало видно, что он измучен и утомлен не меньше своего куда более молодого гостя. И Стивенс ощутил, что у него язык не поворачивается продолжить этот разговор. Что-то в этом роде бывает, когда твой самый близкий друг ни с того ни с сего втюрируется в совершеннейшее черт знает что. Он сидел и ломал голову, как бы не ляпнуть что-нибудь не то.

И решил переменить тему:

— Док, я не просто так пришел. Есть несколько вопросов для обсуждения.

— Например?

— Во-первых, относительно отпуска. Сам понимаю, что расклеился. Переутомился, так что, похоже, нужен отпуск. А во-вторых, я к вам насчет Уолдо.

— То есть?

— Вот именно. Насчет Уолдо Фартингуэйт-Джонса, благослови Господь его непреклонное и злое сердце.

— Уолдо? Уж он-то тут каким боком? Никак тебя вдруг заинтересовала *myasthenia gravis*?¹

¹ *Myasthenia gravis* — хроническое заболевание, при котором происходит нарастающее ослабление всех мышц организма. — Примеч. С. В. Голд.

— Ни в коем разе. Его состояние мне абсолютно без разницы, страдай он плюс ко всему еще и чесоткой, перхотью и бессонницей, чего от души ему желаю. Но мне надо задействовать его мозги.

— Ах вот как?

— В одиночку мне не справиться. Тот еще, знаете ли, людям помощничек ваш Уолдо. Он мастер только ими *пользоваться*. Вы — это его единственный нормальный человеческий контакт.

— Ну, это не совсем так...

— А с кем еще у него контакт?

— Ты не так понял. У него *нет* контакта ни с кем. Я просто единственный человек, у которого хватает наглости с ним не церемониться.

— А я-то думал!.. Впрочем, не важно. Неужто вы считаете такое положение нормальным? Уолдо — это человек, без которого нам не обойтись. Где написано, что гений его масштаба обязательно должен быть таким неприступным, таким неподатливым на рядовые общественные запросы? Не надо. Понятно: это во многом продиктовано его хворобой, но почему, почему именно она именно к нему привязалась? Вероятность случайного совпадения тут исчезающе мала.

— Его немочь тут ни при чем, — ответил Граймс. — Вернее, при том, но не с того боку, с которого ты подступаешь. Его гениальность некоторым образом *проистекает* из его слабости...

— То есть?

— Ну-у...

Граймс погрузился в собственные мысли и позволил себе умом вернуться вспять к долгим — длиною в целую жизнь (разумеется, жизнь Уолдо) — размышлениям об этом своем особом пациенте. Припомнились какие-то подсознательные опасения, когда он принял этого младенца во время родов. Внешне младенец выглядел приемлемо, разве что был несколько синюшный. Но в родилках того времени множество малышей являлось на свет с небольшим цианозом. И тем не менее как-то рука не поднималась шлепнуть новорожденного по попе, чтобы тот от удара впервые хватил полные легкие воздуха.

Однако собственные чувства были подавлены, «рукоприкладство» состоялось по всем правилам, и новорожденный человечек провозгласил свою независимость вполне удовлетворительным криком. Что еще оставалось сделать молодому врачу по всем болезням, на полном серьезе относившемуся к клятве Гиппократата? Впрочем, он и нынче относится к ней на полном серьезе, хотя временами позволяет себе распространяться насчет ее лицемерности. И ведь прав оказался в своих предчувствиях: была в этом малыше какая-то гнильца еще и помимо *myasthenia gravis*.

Поначалу было как-то жаль этого карапуза и было необъяснимое чувство ответственности за его состояние. Патологическая мышечная слабость — инвалидность абсолютная, поскольку у пациента нет уцелевших конечностей, способных заменить увечные. Жертва вынуждена лежать, все органы, все конечности у нее на месте и действуют, но мускулатура прежалостнейшим образом слаба и не способна к нормальным усилиям. Жизнь поневоле проходит в состоянии полнейшего изнурения, у нас с вами такое могло бы наступить на финише марафонского бега. Но мы-то отдышимся, а вот больной не отдышится, и помочь ему нечем.

Пока длились детские годы Уолдо, врач не терял надежды, что ребенок умрет и тем избежит приговора к трагической никчемности. Но в то же время, будучи врачом, он делал все, что только в его силах и в силах бесчисленных консультантов, чтобы ребенок жил, и ухаживал за ним, как только мог.

Естественно, Уолдо не мог посещать школу — Граймс выискивал ему домашних учителей посострадательнее. Уолдо не мог играть в обычные игры — Граймс изобретал игры для лежачего, которые не только развивали бы воображение, но и подвигали бы пациента на предельное напряжение своих вялых мускулов.

В ту пору Граймс опасался, что этот тепличный ребенок, огражденный от обычных стрессов взросления, может навсегда остаться инфантильным. Теперь-то — тому уж много лет — он понимал, что тревожился напрасно. Подрастающий Уолдо буквально цеплялся за все, что только

могла предложить ему эта убогая жизнь, он жадно учился и до седьмого пота напрягал волю, чтобы заставить служить свои непослушные мышцы.

Особую сообразительность он проявил в поисках средств обхода своей мускульной слабости. В семь лет он разработал способ управляться с ложкой. Обеими руками. Это позволило ему хотя и с громадным усилием, но питаться самостоятельно. А в десять лет он изобрел свое первое механическое приспособление.

То был аппаратик, который держал перед ним книгу под любым удобным углом, направлял свет на нужное место и переворачивал страницы. Аппаратик отзывался на нажатия кончика пальца на простую панель управления. Разумеется, построить его самостоятельно Уолдо не мог, но зато сумел продумать и изложить замысел. Родители были достаточно богаты, чтобы воспользоваться услугами конструктора-профессионала, осуществившего проект увечного малолетки.

Вот так малыш Уолдо впервые почувствовал вкус к умственному господству над взрослым человеком, который ему не родня и не прислуга, и Граймс был склонен считать этот случай началом долгого психологического процесса, по ходу которого Уолдо в конце концов начал рассматривать все человечество как своих слуг, как руки, которых ему недостает, руки, которыми он либо пользуется, либо может воспользоваться.

— Док, вы что, не в себе?

— А? Извини, отвлекся. Послушай, сынок, ты не должен быть слишком суров с Уолдо. Лично мне он не по душе. Но приходится принимать его таким, каков он есть.

— Вот вы и принимайте.

— Умолкни. Сам признал, что нуждаешься в его уме. Он не был бы гением, если бы не родился калекой. Ты его родителей не знал. Доброго десятка были люди, приятные, умные, но ничего особенного. И Уолдо одарен не в большей степени, чем они, но напрягать свои таланты, чтобы хоть чего-то добиться, ему пришлось намного больше. Ему приходится соображать, у него нет другого выхода.

— Согласен. Тысячу раз согласен, но с какой стати притом еще и ядом исходить? Талантливые люди в большинстве своем не таковы.

— А ты раскинь мозгами. Чтобы хоть чего-то добиться в своем положении, парню пришлось крепить волю и настраивать ум исключительно в одном направлении, ничьих иных соображений в расчет не принимая. Вот он и заделался невыносимым эгоистом. Чего еще от него ждать?

— Я бы... Да ладно, это не важно. Он нужен нам позарез, все дело в этом.

— Зачем?

Стивенс пустился в объяснения.

Наверное, уместно будет подчеркнуть, что проявления культуры — нравы, оценки, построение семьи, застольные обычаи, принятый образ жизни, методы обучения, учреждения, форма правления и так далее — жестко определяются хозяйственными потребностями наличествующей технологии. Хотя такое утверждение слишком расплывчато и в значительной степени упрощено, тем не менее бесспорно, что многие из неотъемлемых особенностей долгого мира, наступившего после конституционного возвышения Объединенных наций, своим происхождением обязаны технологическим методам, разработанным в тепличных условиях, поневоле созданных воюющими сторонами, вовлеченными в сражения сороковых годов. В преддверии той поры как ненаправленное, так и направленное излучение электромагнитной энергии, за небольшими исключениями, использовалось только в виде коммерческого радио. Даже телефонная связь осуществлялась почти всецело посредством соединения аппаратов с помощью металлических проводов. Если какой-нибудь житель Монтерея желал пообщаться с женой или деловым партнером, находящимися, скажем, в Бостоне, между ними через весь континент протягивался физически осязаемый медный нейрон.

Силовая энергоподача без проводов в ту пору была нереальной мечтой, живущей в воскресных развлекательных приложениях и комиксах.

Прежде чем было покончено с медной паутиной, что заплела весь континент, понадобился последовательный —

впрочем, нет, не последовательный, а сложный параллельно-последовательный — прогресс во многих областях техники. Ненаправленное излучение энергии — штука экономически невыгодная, поэтому пришлось дожидаться открытия коаксиального луча, которое явилось следствием экономических ограничений времен Великой войны. Радиотелефон не мог заменить проводную связь до тех пор, пока микроволновая техника не проложила в эфире, так сказать, торной дороги. И даже после этого потребовалось изобретение прибора для настройки, с каким человек, ничего не понимающий в технике — скажем, десятилетний ребенок, — обращался бы с той же легкостью, с какой обращались с наборным телефонным диском, прибором, характерным для проводной связи общего пользования заканчивающейся эры.

Лаборатория Белла разрешила эту проблему; и от этого решения оставался всего один шаг до создания приемника лучевой энергии, аппарата бытового типа, закодированного, опечатанного и снабженного счетчиком. Так стала принципиально возможна передача энергии с помощью радиоизлучения. Оставался лишь один камень преткновения — низкий коэффициент полезного действия такой энергосистемы. В свое время промышленная революция стала возможна лишь после изобретения паровой машины; авиации пришлось дожидаться создания мотора, работающего на цикле Отто; точно так же довелось ждать своего часа и беспроводной системе энергоснабжения: для нее был необходим дешевый и чрезвычайно мощный источник энергии. Поскольку лучевая передача энергии — процесс, по своей природе чреватый огромными потерями, использовать ее можно было только при наличии дешевой и настолько изобильной энергии, чтобы ее не жаль было непродуцибельно терять.

Война подарила миру атомную энергию. Физики, работавшие на армию Соединенных Штатов — в ту пору Соединенные Штаты Северной Америки имели собственную армию, — изготовили сверхвзрывчатку; когда должным образом соотнесли данные в рабочих журналах, которые велись во время опытов, обнаружилось все необходимое

для осуществления почти любой ядерной реакции, даже для так называемого солнечного феникса, то есть водородно-гелиевого цикла, что является источником энергии Солнца.

Так появился экономически доступный источник для излучателя электромагнитной энергии. Реакция, в ходе которой медь расщепляется на фосфор, кремний-29 и гелий-3 и запускаются несколько затухающих цепных реакций, оказалась одним из нескольких дешевых и удобных способов, в дальнейшем примененных для производства практически безграничных количеств энергии.

Лучистая энергия стала экономически целесообразной — и неизбежной.

Разумеется, в беседе с Граймсом Стивенс не упомянул ни о чем из сказанного выше. Для Граймса весь этот динамический процесс оставался как бы за пределами осознания; развитие лучевой энергетики он воспринимал примерно так же, как его дед воспринимал развитие авиации. Видел, как исчезают исчерпавшие небо линии электропередачи, теперь на многие годы сделавшиеся источником медного сырья; наблюдал, как по всему Манхэттену перекапывают улицы, чтобы извлечь толстые кабели. Мог бы даже припомнить свой первый радиотелефон с автономным блоком питания, но почему-то с двумя наборными дисками: когда он впервые воспользовался такой штукой, то вместо «Кулинаруи» по соседству с ходу дозвонился до какого-то адвоката в Буэнос-Айресе. Целых две недели все его местные телефонные звонки шли через Южную Америку, пока он наконец не сообразил, что диск диску рознь и все зависит от того, каким вперед воспользоваться.

В то время Граймс еще не покорился новшествам в архитектуре. Так называемый лондон-план его нимало не привлекал; ему нравился сам вид надземных домов. Однако по мере того, как возрастала нужда в увеличении полезной площади, он шаг за шагом отступал и уходил под землю. Но не столько из-за дешевизны, удобства и общепризнанной практичности образа жизни в пещере на трех уровнях, сколько потому, что уже тогда начал слегка тревожиться по поводу возможных последствий от погружения человеческого тела в мощные электромагнитные поля. Стены из плав-

леного камня в его новом обиталище изнутри были обшиты свинцом; кровля пещеры имела двойную толщину. Его нора была защищена от электромагнитных полей настолько, насколько это вообще возможно.

— ...Вся соль в том, — толковал Стивенс, — что энергоснабжение подвижного состава начало давать дьявольские сбои. Пока что не настолько серьезные, чтобы парализовать транспорт, но достаточные для смятения умов. Имело место несколько очень неприятных аварий. До поры до времени удастся избегать широкой огласки, но ведь не навек же. Я должен как-то разобраться с этим.

— Почему ты?

— Почему я? Не прикидывайтесь дурачком. Во-первых, потому, что я заведу в НАПЭ энергоснабжением транспорта и от этого зависит слой масла у меня на хлебе. И во-вторых, потому, что проблема сама по себе ставит меня в тупик. Должным образом сконструированный прибор обязан работать. Постоянно и при каждом включении. А он не работает, и мы не в состоянии понять почему. Наши ведущие математики вот-вот начнут лепетать что-то уж вовсе невразумительное.

Граймс пожал плечами. Увидев это, Стивенс почувствовал раздражение.

— Док, по-моему, вы недооцениваете серьезность проблемы. Вы представляете, сколько лошадиных сил уходит на перевозки? Если подсчитать суммарное энергообеспечение грузопотока и добавить к этому потребности личного и общественного транспорта, то окажется, что «Норт-Америкэн пауэр-эйр» поставляет более половины энергии, используемой на континенте. У нас *нет* права на ошибки. А прибавьте к этому еще и дочерние предприятия по городскому энергоснабжению. Там пока обходилось без аварий. Но это пока. Страшно себе представить, что будет, если крупный город останется без энергии.

— Я знаю решение проблемы. Сказать?

— Вот как? Извольте.

— Отправьте эти ваши штучки-дрючки на свалку. Вернитесь к паровозам и двигателям на нефтяном топливе.

Избавьтесь от этих ваших электромагнитных волчьих ям, будь они трижды прокляты.

— Категорически исключено. Вы не понимаете, что говорите. На переналадку энергохозяйства ушло больше пятнадцати лет. Теперь мы уже втянулись в это. Гэс, если НАПЭ прикроет лавочку, половина населения по северо-западному побережью сдохнет с голоду, не говоря уже о том, что будет вокруг Великих озер и с агломерацией от Филадельфии до Бостона.

— Ч-черт!.. И тем не менее, возможно, это не так страшно, как медленное отравление, которым вы занимаетесь сейчас. Это все, что я могу сказать.

Стивенс нетерпеливо отмахнулся:

— Слушайте, док! Мил вам ваш заскок — носитесь с ним, как с писаной торбой, но не требуйте, чтобы и я с ним считался. Никто, кроме вас, не видит ничего страшного в лучистой энергии.

— Они просто не туда смотрят, — мирно ответил Граймс. — Ты знаешь, каков был прошлогодний рекорд по прыжкам в высоту?

— В жизни не слушал спортивных новостей.

— А не мешало бы время от времени. Лет двадцать тому назад он составлял двести двадцать три сантиметра. А с тех пор из года в год понижается. Попробовали бы сопоставить график понижения с ростом насыщения атмосферы высокочастотными электромагнитными полями, с вашей милой искусственной радиацией. Могли бы получить любопытные результаты.

— Чушь свинячья! Любому пацану известно, что большой спорт вышел из моды. Пот и мускулы исчезли, вот и все. Мы просто сделали шаг вперед к более интеллектуальной культуре.

— К более интеллектуальной? Чушь собачья! Люди перестали играть в теннис, потому что постоянно чувствуют себя усталыми. Ты глянь на себя. Краше в гроб кладут.

— Имею поводы, док, и ни к чему проезжаться на мой счет.

— Извини. Но у людей наблюдается явное ухудшение работы организма. Я мог бы доказать это с цифрами в ру-

ках, но любой врач, который хоть чего-то стоит, в моих доказательствах не нуждается и сам это видит. Если есть глаза и если они не отведены чудесами медицинской техники. Пока что я не могу уверенно сказать, чем это вызвано, но будь я проклят, я носом чувую, что ваш товарищ здесь очень даже при чем.

— Быть этого не может. Никаких излучений не выпускали в атмосферу, пока самым придирчивым образом не проверили у биологов. Мы не дураки и не мошенники.

— Может быть, подольше следовало проверять. Речь ведь не о часах и не о неделях. Речь о кумулятивном эффекте многих лет прополаскивания живых тканей высокими частотами. Он наличествует?

— Уверен, что отсутствует.

— Уверен. Вера не знание. Никто никогда даже не пробовал с этим разобраться. Кстати, а каково воздействие солнечного света на обычное силикатное стекло? Обычно отвечают: «Нулевое». А ты видел стекло, которое долго валялось в пустыне?

— Имеете в виду иридизацию? Видел, конечно.

— То-то. За несколько месяцев в пустыне Мохаве любая бутылка начинает играть всеми цветами радуги. А ты когда-нибудь обращал внимание на оконные стекла в старинных домах на Бикон-хилл?

— В жизни не бывал на Бикон-хилл. Где это?

— В Бостоне, если хочешь знать. И выглядят они в точности как та бутылка, только на это ушло лет сто, если не больше. А теперь скажите мне, физики-шизики, вы способны количественно уловить изменения в структуре стекол на Бикон-хилл по годам?

— Мм, вероятно, нет.

— Однако они имеют место. А кто-нибудь когда-нибудь пытался оценить, что за изменения произошли в тканях организма за тридцать лет прямого воздействия ультракоротковолнового облучения?

— Нет, но...

— Без твоих «но» обойдется. Кое-какие изменения я вижу. Об их причине могу только догадываться. Возможно, я ошибаюсь. Но чувствую себя куда бодрее с тех пор, как

всякий раз, выходя наружу, обязательно надеваю пальтецо со свинцовой подкладкой.

Стивенс сдался:

— Док, может, вы и правы. Не хочу свáриться с вами. Но как насчет Уолдо? Не захватите меня с собой, когда отправитесь к нему? Не поможете ли договориться с ним?

— Дело терпит или нет?

— Не терпит.

— Тогда двинем хоть сию минуту.

— Подходит.

— Звякни к себе в контору.

— То есть вы не шутите насчет «сию минуту»? Очень кстати. Что касается конторы, так я в отпуске. Однако проблема вот где у меня сидит. Давно пора с ней разобраться.

— Кончили трепаться. Поехали.

Они выбрались наверх, на стоянку машин. Граймс направился было к своему «ландо» — старомодному, громоздкому, семейному «боингу». Стивенс остановил его:

— Вы никак собрались раскопегарить этот свой драндулет? Да мы же на нем, дай бог, только к вечеру доберемся!

— Чем плохая машина? Ходит отлично, заатмосферный движок имеется. Запросто долетит до Луны и обратно.

— Долететь долетит, но ведь еле ползет. Пошли на мое «помело».

Граймс окинул критическим взглядом веретенообразный маленький скутер своего приятеля. Кузов был настолько невидим, насколько с этим смогла справиться индустрия пластмасс. Поверхностный слой толщиной в две молекулы явно имел тот же коэффициент преломления, что и воздух. Так что если содержать в чистоте, то и не разглядишь. Однако тут да там пыль поприставала, опять же и отпотевание — вот и просматривается эдакий мыльнопузырный призрак чего-то самолетоподобного.

В сердцевине «пузыря», хорошо видимая сквозь стенки, находилась единственная металлическая часть корабля: балка, а точнее сказать, осевой сердечник, и расширяющийся сноп антенн для приемников де-Кальба при ее оконечности. На вид ни дать ни взять гигантская ведьминская метла, прозвище свое вполне оправдывает. А поскольку сиденья

СОДЕРЖАНИЕ

Уолдо. Повесть. <i>Перевод А. Щербакова</i>	5
Неприятная профессия Джонатана Хога. Повесть <i>Перевод М. Пчелинцева</i>	131
Колумб был остолопом. Рассказ. <i>Перевод М. Пчелинцева</i>	272
Джерри — человек. Рассказ. <i>Перевод И. Гуровой</i>	277
Вода — для умывания. Рассказ. <i>Перевод Ю. Павлова</i>	309
Наш прекрасный город. Рассказ. <i>Перевод И. Зивьевой</i>	323
Человек, который торговал слонами. Рассказ <i>Перевод П. Вязникова</i>	347
Операция «Кошмар». Рассказ <i>Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	369
Тяжесть небес. Рассказ. <i>Перевод Н. Романицкого</i>	400
Все вы, зомби?.. Рассказ. <i>Перевод А. Новикова</i>	422
Выявленные дефекты. Рассказ. <i>Перевод С. В. Голд</i>	440
«Цель высшая моя». Рассказ. <i>Перевод С. В. Голд</i>	445
Крысолов. Рассказ. <i>Перевод С. В. Голд</i>	461
Вне всяких сомнений. Рассказ. <i>Перевод И. Гуровой</i>	480
Они. Рассказ. <i>Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	494
В скрюченном домишке. Рассказ. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	511
По собственным следам. Рассказ <i>Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой</i>	535
Аквариум с золотыми рыбками. Рассказ <i>Перевод В. Ларионова</i>	600